

ГАЛИНА ДОЛГОВА

РОКИРОВКА
ШАХ

Москва

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д64

Разработка серийного оформления
Ф. Барбышева, А. Саукова

Иллюстрация на обложке *А. Дубовика*

Долгова, Галина Александровна.

Д64 Рокировка. Шах / Галина Долгова. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 416 с. — (Колдовские миры).

ISBN 978-5-699-97949-3

Я никогда не мечтала о других мирах и магии. Я просто ждала смерти. Ведь какое будущее может быть у калеки, сироты и старой девы? Но кто-то там наверху распорядился иначе. Я оказалась одной из избранных, способных передавать магический дар.

В чужом мире. С новой судьбой. Без шансов вернуться домой. Зато мне сразу нашли мужа, да еще и наследника короля! Ведь магический дар — это огромная ценность. Вот только забыли предупредить, что здесь у таких, как я, нет собственного мнения, свободы и желаний. Мы обречены быть рабынями. Пешками в чужой игре. Но кто сказал, что пешка не сможет стать королевой и начать свою игру, пусть для этого и придется совершить невозможное...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-97949-3

© Долгова Г.А., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Начало. Где-то в Безмирье

Пролог

Мужчина с тревогой смотрел на вошедшего.

— Ну что?

— Тебе разрешили снова поучаствовать в Игре.

— Отлично!

— Рано радуешься, — красивые губы скривились в усмешке, — в прошлый раз ты сжульничал, следовательно, в этот раз для тебя предусмотрены ограничения.

— И какие? — бирюзовые глаза без зрачков и радужки слегка прищурились.

— Довольно серьезные, — такие же глаза, только яркого серебристого цвета, недовольно покосились на собеседника, — полная противоположность тому, что было на предыдущем Соревновании. У тебя были мужчины, воины, со способностями и знаниями, с командами и помощью местных богов. Теперь все наоборот. Девушки, старше восемнадцати, не умеющие ничего, без способностей, без сил, из закрытого мира, причем обязательно ни разу не пролившие кровь и девственности.

— Что за дурь?!

— А ты что хотел? Думал, Совет все время будет закрывать глаза на твои мухлежи? Четыре человеческие девушки из одного города в течение одного года должны попасть в четыре разных мира из Веера Миров.

Способы попадания разные. При переходе разрешено вкладывать знание одного языка. Все.

— А почему девственницы-то?

— Тебя чему учили? — недовольно посмотрел среброглазый на собеседника. — Они должны быть как можно меньше привязаны к своему миру. А кровь, любая кровь — это связь. Девчонки не должны вернуться назад.

— Почему?

— Чтобы выполнить условия.

— А миссия, цель?

— Ни миссии, ни цели.

— То есть? Такого не бывает...

— То и есть, — серебристые глаза усмехнулись, — основная цель — выжить. Думаешь, неприспособленная человеческая девушка сможет что-нибудь сделать в мире магии? Да ей там хоть в живых-то остаться!

— Значит, просто выжить...

— Не-а, не просто. Есть еще условие. Ровно через десять лет их пребывания в другом мире каждой, из оставшихся в живых, будет задан один вопрос, и только если они все ответят положительно, тебе будет разрешено снова создавать миры и населять их.

— И какой же вопрос? — бирюзовоглазый нахмурился.

— Счастлива ли она.

— О Всевышний!

— Ага.

— А если нет?

— Тебя лишат силы демиурга на десять тысяч лет, заперев в одном из мертвых миров. Сам понимаешь, после того, что ты в последний раз натворил, в двенадцати мирах демиургам пришлось менять весь пантеон богов и полностью перепрограммировать эволюцию. Только

заступничество нашей великой матушки дало тебе последний шанс. Не маленький уже, знаешь ведь, что победители Игры получают ареал, где могут экспериментировать, а ты нечестной игрой незаконно получил аж целых шесть ареалов. Этим многие недовольны.

— Я могу сам выбрать девушек? — мрачно спросил бирюзовоглазый.

— Да. Но мир, город и год назначит Совет демиургов. Завтра.

— Понятно...

— Ну, раз понятно, жду завтра, братец, не опаздывай.

— Угу.

Выходя, бирюзовоглазый усмехнулся. Зря они его недооценивают. Может, девушки и должны быть без сил и способностей, но ведь никто не оговаривал, что они не смогут их получить. Ведь так? Надо все обдумать. Кого, как и куда направить. Ну и минимальное вмешательство вряд ли кто-нибудь заметит, особенно если учесть, что демиург Судеб — его любимая сестренка.

— Поиграем? — на красиво очерченных губах мелькнула легкая улыбка.

* * *

— Итак, третья, — звучный голос прокатился по залу, — выбор сделан?

— Да!

— Способ и мир?

— Желаемый переход, мир Эрвэс.

— Жизненная линия?

— Сохранение личностной индивидуальности. Восстановление баланса.

— Приступайте!

Глава 1

Белоснежная крупа за окном взлетает в вихре ураганного ветра и, горстями опадая, бьется в окно, словно мелкие песчинки. В свете уличного фонаря их хорошо видно, можно часами наблюдать за хаотичным кружением, сидеть в темноте и слушать завывание метели за стеклом. Сквозь щели в рамах несет холодом, и на подоконнике образуются маленькие сугробики, которые и не думают таять.

На столе лежит на боку пустая бутылка водки, рядом — вторая, опустошенная на треть. Три рюмки, две наполнены до краев. Тусклый свет одинокой свечи отражается в стекле и в глянцевой поверхности фотографии, с которой недовольно смотрят две женщины, словно укоряя меня в недостойном поведении. Рядом со стаканами — два кусочка хлеба, и вместо соли на них — горькие слезы.

— Прошу, Господи, умоляю... Я так больше не могу... Забери меня! Убей! Освободи от этой ноши... Не могу сама, но хоть ты смилуйся... Я устала! Сил моих нет... Не могу-у-у... — голос срывается на вой, и голова бессильно падает на руки, — больше.

Слово, как дыхание, практически не различимое даже в тишине. Темнота. Спасение...

— ...наверное, ошибка. Милорд будет в ярости! Это же кошмар, а не набор! Одни дети! Магистр, да вы на эту гляньте! Она черная! Неужели демоница? А эта? Старая же!

Неприятно зудящие над головой голоса раздражали, вызывая желание отмахнуться и снова вернуться туда, где покой и тишина. А то, что старая, да еще и страшная, я и без них знаю. Ничего нового мне не сказали. Привыкла уже, даже не реагирую, когда насмешки в лицо бросают.

— А может, она не очнется? — меж тем продолжал истерить неизвестный голос. — Скажем, что не выдержала переноса, а тело выкинем в овраг?

Вот это мне уже не понравилось. И вообще, какой-то странный сон, слишком уж он... Я с трудом приоткрыла глаза, ожидая, что это развеет алкогольные галлюцинации и я увижу свою привычную квартиру — желтые обои, часы на стене, бежевые шторы с узором из крупных маков... Веки дрогнули и с трудом приподнялись, чтобы тут же резко распахнуться. Какие желтые обои? Какие маки?

Прямо напротив меня была сплошная стена из серого камня. Гематитовые колонны таинственно мерцали, отражая рассеянный свет, что разгонял сумрак комнаты, а чадающие факелы завершали картину чего-то средневекового и готического. По стенам бежали какие-то изображения, и я даже вроде бы различила среди них фигурки людей, вот только... что-то в них было неправильное. Что за бред? Да, я вчера злоупотребила, но не до такой же степени!

Сердце тревожно забилося, грозясь вот-вот вырваться из груди. Боже, такого же... такого просто не может быть? Это сон? Бред воспаленного сознания? Паника буквально обрушилась, грозя погрести под собой, но следующие слова резко привели в чувство, заставляя моментально взять себя в руки. И страх, словно волна, откатился обратно. Меня охватило спокойствие и какой-то азарт.

— Или может, лучше, сразу... сами...

Эта фраза вывела из состояния задумчивого созерцания, и я едва не подскочила на месте. Ну уж нет! Что бы там ни было, убить себя я точно не позволю. А в том, что неизвестные говорили именно об убийстве, сомнения не возникло ни на миг.

Показательно застонав, я потянулась и, резко повернувшись, поднялась, отчего тут же накатила приступ тошноты. Ничего, с этим я справлюсь. Главное, чтобы неизвестные товарищи не успели под шумок избавиться... Кстати, это кто же у нас там?

Распахнувшимся глазам предстала невероятная по своей абсурдности картина. В Храме — а ничем иным столь грандиозное и мрачное помещение просто не могло быть — посреди невероятного количества свечей, медленно затухающих таинственных знаков и пентаграмм, прямо на полу на лучах восьмиконечной звезды лежали девушки. Голые девушки. Быстро подсчитала — их оказалось семь. Ну и, судя по всему, а еще по жесткости и холоду, я была как раз восьмой. А напротив меня, картинно застыв, стояли двое. Один — неопределенного возраста, высокий, прямой и тонкий, с яркими голубыми глазами, но при этом с седой бородой почти до талии и в темно-сером балахоне. Второй — лет пятидесяти, пухлый,

лысый, с жидкой рыжеватой бородкой в таком же балахоне. И я готова была зуб отдать, что противный голос, предлагавший меня убить, принадлежал именно ему.

— Здравствуйте, — смущаясь своей наготы, проворчала я, поняв, что первым никто со мной заговаривать не будет. — Где я и что происхо...

Договорить мне не дали.

— О небо! Она еще и уродина... — простонал пухлый. — Магистр, может, пока не поздно...

— Хватит, — отрезал тонкий, заставив нас с пухлым вздрогнуть. Но именно этот тон и сила, прозвучавшая в его голосе, позволили привычно удержать поток слез.

— Будь повежливей с избранной, Ханой. Кто знает, как повернется колесо небес, может, она еще станет твоей госпожой.

— Она? — Скепсисом в голосе пухлого можно было заморозить океан.

— Подай избранной накидку, — не обратив на него внимания, велел тот, которого Ханой назвал магистром.

Пухлый посопел, но послушаться приказа не решился, и уже через две минуты я с облегчением куталась в серый балахон. Да будь он хоть розовый в синюю полосочку, главное, что не голая.

— Итак, избранная, я — магистр Этхой. Добро пожаловать в Америю. Могу я узнать твое имя? — Глубокий голос завораживал, успокаивал и внушал почтение, ровно до последнего вопроса. Уж не знаю, какой черт меня дернул, но с губ сорвалось...

— Вика. Виктория.

Это было не мое имя. Даже близко — не мое. Свое мне жутко не нравилось, и по молодости я всегда его сокращала всеми возможными нетрадиционными способами, но сейчас чужое имя само сорвалось с губ. Не знаю, что это было: интуиция, настроенная на ожидание беды, подсознание, успевшее отметить то, чего не заметило сознание... но... имя было произнесено чужое. Не мое, и ко мне отношения не имевшее.

Судя по прищурившимся глазам магистра, что-то в моем ответе ему не понравилось. Плевать. Я достаточно прочитала книг, чтобы знать, какую власть над человеком дает знание его имени. А я, пока не пойму, что происходит, рисковать не намерена. Но только я хотела начать задавать вопросы, как меня опередили:

— А полное имя?

— Виктория Васильевна Пешкова, — автоматически выдала имя своей коллеги. И только потом осознала, насколько я была права. Что ж, надеюсь, с Викой ничего плохого не случится.

— Магистр, я бы хотела...

— Позже, Виктория, — перебил он. — Вам все объяснят позже, когда очнутся остальные девушки. А сейчас, думаю, вам стоит отдохнуть и прийти в себя. За вами зайдут через несколько часов.

— Хорошо, — покорно кивнула я, понимая, что спорить бесполезно.

— Сколько тебе лет? — голубые глаза внимательно осмотрели меня.

— Тридцать шесть, — вот сейчас врать почему-то не решилась.

— Сколько? — удивленно воскликнули за спиной, и, повернувшись, я столкнулась с пухлым.

— И все еще девственница? Хотя ничего удивительного, при такой-то внешности... — пробормотал он, чем заслужил еще один недовольный взгляд от начальника, или кем он там ему являлся.

— Прошу прощения, избранная, за поведение хранителя Ханоя. Хотя, должен признать, я тоже испытал удивление. Однако я не могу сказать, что твоя внешность настолько ужасна, чтобы к такому возрасту ты не познала мужчину. Или у тебя есть еще какие-то дефекты?

От услышанного я замерла. Просто не знала, как реагировать. Обидеться, оскорбиться, разругаться или, наоборот, счесть комплиментом. Слишком часто я слышала насмешки по поводу своей внешности, слишком давно привыкла к тупой боли после каждого подобного замечания.

Как это ни печально, но я родилась с дефектом внешности, как заявляли доктора, или в результате врачебной ошибки, как были уверены мать и бабушка. Диагноз — родовая травма. И не важно, врожденный то дефект, просто несчастный случай, или во время родов кто-то пережал какой-то нерв. Факт оставался фактом — вся левая часть моего тела была парализована. Не сильно, так, словно поплыла, искривив черты лица и слегка скосив на один бок тело, заставляя слегка тянуть ногу и с трудом управляться левой рукой. Но самым «ярким» пятном на моем лице был полуприкрытый глаз. Словно я вечно шурилась. Да и мутная пелена, полностью застлавшая белок, красоты не добавляла. В общем, по отдельности, отклонения небольшие, даже не сильно заметные на первый взгляд, но достаточные, чтобы повлиять на многое — в том числе на чистоту речи и возникновение

у маленькой девочки целой кучи комплексов. Мне было неловко смотреть в глаза прохожим, замечая, как они начинают бессознательно разглядывать меня, пытаюсь понять, что со мной не так, и быстро отводят взгляд, когда понимают. Если ко мне обращались на улице с вопросом, я невнятно бормотала в ответ, стараясь поскорее уйти подальше. В итоге — полное отсутствие друзей и вакуум одиночества, окружавший меня практически всю жизнь.

Моя мать потратила в свое время кучу денег, сил и времени, чтобы свести дефект к минимуму, но... Уже было поздно. Да еще и постоянные нотации бабушки, что мое уродство — это наказание матери за мое рождение вне брака. Я полностью ушла в книги и учебу, чему домашние были только рады. Мама отдала последние деньги, чтобы подправить мне зрение, которое к середине школы начало стремительно падать. Пелену врачи убрали, но полностью восстановить зрение не удалось, так что очки я носила постоянно. Зато через них был не так заметен мой «прищуренный» взгляд. Золотая медаль, потом институт... В понимании мамы все было прекрасно, только я хотела другого. У меня появились подружки, но я была им нужна лишь в качестве жилетки, советчика и помощницы, а ребята воспринимали исключительно, как своего парня. Добавьте к этому строгое воспитание — и вуаля! Впервые я пошла на дискотеку в двадцать три года, и то тайком от матери с бабушкой, соврав, что иду на день рождения! К тому времени большинство моих подруг уже были по парам, а я, и так с детства отличавшаяся высоким ростом и крупным телосложением, выглядела среди них как тридцатилетняя. Естественно, на этом почти

все и закончилось. Нет, однажды я попыталась. Мой одноклассник, которому я вроде как нравилась... Мне до сих пор стыдно вспоминать о той ночи. Уж не знаю, в чем была причина — в его мужской силе или отношении ко мне, но он даже не понял, что я невинна. Ничего не произошло. А через неделю он пропал. Потом были попытки познакомиться через Интернет, так ни к чему и не приведшие... И даже если я пару раз за год выходила в ночной клуб или кафе, то возвращалась всегда одна. На работе был женский коллектив, и постепенно я начала терять уверенность в себе. Опустила руки, в моем гардеробе появилось слишком много черных вещей... Которые, к несчастью, пригодились, когда в двадцать шесть лет авария перечеркнула всю мою дальнейшую жизнь. Пьяный водитель сбил переходивших дорогу маму и бабушку. Насмерть.

Не знаю, как я пережила то время. Кажется, пару раз появлялся мой несостоявшийся возлюбленный. Предлагал утешение и брак, но я его послала. Хотя, спустя пару лет, малодушно жалела, что не согласилась... Очнулась я только полгода назад. Одинокая, старая, опустившаяся и разжиревшая уродина, и поняла, что... что ничего хорошего меня в будущем уже не ждет. Пустота, холод, слезы в подушку и одинокая темная квартира... А вчера я отмечала свой тридцать шестой день рождения — и ровно как десять лет я праздную его в одиночестве. Всегда одна, если не считать нескольких смс и телевизора... Так что я могла ответить этим... магистрам... беспардонно лезущим в мою жизнь?

— Нет, — процедила, с трудом сглотнув комок, — внутренних дефектов нет. Только внешние.

— Хорошо, — довольно кивнул магистр, отчего мне захотелось расцарапать ему лицо. — Это очень хорошо. Ханой, проводи избранную.

— Конечно, магистр.

И уже в мою сторону:

— Следуй за мной.

* * *

Комната, куда меня привели, скорее походила на камеру временного содержания. Без окон, из обстановки — одна деревянная скамья с тонким пледом и узкой подушкой, стол, стул, кувшин с водой и факел на стене.

— Отдыхай. За тобой придут, — небрежно бросил пухлый и ретировался.

Отдыхать я не хотела, но, взяв себя в руки, все же легла на скамью и задумалась. Пожалуй, это — немного, что я делала превосходно. Помогло обилие прочитанной литературы, просмотренных научных передач, изученных игр и головоломок. Я умела и любила анализировать, только вот в моей прошлой жизни это никому не было нужно.

Я решительно тряхнула головой. Ладно. Раз уж моя жизнь так резко повернулась, то нет смысла возвращаться к прошлому. Если мне вроде как дают второй шанс, надо им воспользоваться.

Смешно, но я вообще не волновалась. Не знаю, с чем это связано: может, еще не верила, может, не принимала, но... факт. Я не переживала, не ревела, не хотела вернуться. Наоборот. Во мне будто аккумуляровались неизведанные ранее резервы, позволяя чуть ли не с радостью встречать перемены. Хотя, кого

я обманываю? Я действительно рада. Еще вчера я думала, что моя жизнь кончена, а сегодня мне дали шанс. И мое сердце билось сильнее от волнения и предвкушения.

Но пока есть время, надо понять, что произошло, иначе все мои надежды пойдут прахом. Во-первых, очевидно, что я не дома. Это даже не обсуждается. Нигде на Земле нет места с таким названием. Кстати, интересно, Амирия — это мир, страна или город?

Следующий вопрос, как я здесь очутилась? Дверь у меня была закрыта — это точно. Дома я была в халате — это тоже точно. Балкон или окно не открывала. Плюс, я тут не одна. Ну и наконец, пентаграмма, символы и храм. Ах да, еще «добро пожаловать в Амирию». Поэтому у меня только два варианта — инопланетяне или маги. Причем во второе верится больше. Хотя... это же бред! Но, как говорится, чего не может быть — того не может быть никогда. Допустим, это правда. И что дальше?

А дальше возникает следующий вопрос — зачем мы им? Вот тут уже интереснее. Больше всего меня взволновало, откуда такая уверенность в том, что я девственница. Вариант у меня был только один — это было одним из условий отбора. Тогда следующий вопрос — зачем? И что они собираются с нами делать? Убьют?

Вот тут я зависла. Вариантов была масса, особенно с моей головой, забитой мегабайтами фэнтези. Увы, я не придумала ничего лучше, как ускользнуть от реальности в мир сказок и шоколадных конфет. Хотя теперь я даже этому рада. Может, во всем том ворохе информации есть хоть капля пользы.